

Каково крестьянамъ—землепашцамъ живется подь совѣтской властью.

Совѣтская власть называетъ себя „народной“, теперь „народное право“ заявляетъ она на каждомъ шагѣ, правительство ся именуется себя „рабоче-крестьянскимъ правительствомъ“.

На самомъ же дѣлѣ для русскаго мужика-землероба эта власть—сущее наказаніе, проклятiе. Противъ этой власти происходятъ постоянныя волненія и возстанія крестьянъ. Такъ несладко, невыносимо становится подь управленіемъ совѣтчиковъ жить простому народу, что онъ безоруженный съ дубинами, топорами выступаетъ повсюду противъ своихъ властителей—угнетателей. Правда, эти его выступления до сихъ поръ, были неудачны. Карательные отряды забывшихъ Бога и потерявшихъ стыдъ совѣсть чести русскихъ красноармейцевъ, а чаще жестокихъ ненавидящихъ и презирающихъ всѣхъ русскихъ-совѣтскихъ наемниковъ-китайцевъ и мадырь-быстро „кончаютъ“ съ крестьянскими движеніями. И не удивительно: вѣдь на ихъ сторонѣ ружья, пулеметы, орудія... Отъ многихъ селъ и деревень, какъ это теперь доподлинно извѣстно, карательными отрядами оставленъ одинъ лишь пепелъ. Жители—вырѣзаны, дома, гумна, домашній скотъ погибли подь орудіями.

А между тѣмъ, крестьяне не унимаются. Видно, нѣтъ больше силъ терпѣть, ждать...

Можно смѣло сказать—нѣтъ ни одной губерніи, ни одного уѣзда въ совѣтской Россіи, гдѣ не было бы бунтовъ землепашцевъ—крестьянъ противъ совденщиковъ.

Противъ нихъ выступали повсемѣстно на Волгѣ. Сибирская, Самарская, Саратовская, Костромская и др. губерніи видѣли много своихъ лучшихъ сыновъ павшихъ жертвами власти каторжниковъ и насильниковъ, каковой въ дѣйствительности является совѣтская власть. Тамбовская, Курская, Московская, Владимирская, Тверская, Петроградская и др. губерніи также немало пострадали отъ мести красноармейцевъ возстававшимъ.

Недавно мы читали, что десятки тысячъ крестьянъ Пермской и Вятской губерній вслѣдствіе временнаго отхода нашихъ войскъ, изъ этихъ губерній бросили всю свою землю, все свое десятками лѣтъ, трудами дѣлаго ряда поколѣній скопленное имущество, забрали, что можно было,—кто коровенку, кто лошаденку, а кто и вовсе безо всего, и пустились „бѣжать“ отъ красныхъ, ушли сюда въ Сибирь. Они предпочли потерять все и подвергнуться случайностямъ и опасностямъ незнакомой страны—Сибири, только бы не оставаться подь господствомъ совѣтскимъ. Очевидно, не стало больше ихъ силъ терпѣть его совденское.

Нѣсколько мѣсяцевъ прожили они подь управленіемъ сибирскаго правительства и могли сдѣлать сравненіе.

Теперь выборъ ими сдѣланъ. Они покидаютъ родныя пепелища, какъ это ни больно и тяжело имъ, конечно, и бѣгутъ сюда, въ Сибирь. Предъ страхомъ совденщиковъ эти толпы крестьянъ являются самымъ яркимъ и краснорѣчивымъ доказательствомъ всей тяжести положенія крестьянства въ совденіи и служатъ грознымъ предостереженіемъ сибирскимъ крестьянамъ относительно большевиковъ.

Посмотримъ, что же сдѣлали большевики по отношенію къ крестьянскому населенію Россіи, чѣмъ они озлобили его противъ себя и толкаютъ его и на постоянныя возмущенія, и на бѣгство отъ нихъ.

Прежде всего, они обманули, ободили крестьянина относительно земли.

Землю у крестьянъ они всю отобрали и сдѣлали ее собственностью всѣхъ гражданъ государства съ определеннымъ количествомъ земли на cadaго.

Крестьяне-собственники оказались, арендаторами. Нынѣшній годъ крестьянинъ обрабатываетъ за плату одинъ, участокъ, на слѣдующій годъ его перевели на другой. Землю отняли у крестьянъ, конечно, безо всякаго выкупа.

Да и самый хлѣбъ въ совѣтской Россіи не принадлежитъ тому, кто его засѣялъ, собралъ. Онъ тоже общее достояніе. На cadaго оставлено лишь изъ расчета по одному фунту въ мѣсяцъ. Все остальное отбирается. Съ такимъ отбираниемъ своего „хлѣбушка“ никакъ не можетъ согласиться народная душа.

И на домашній скотъ покусились большевики. Коровы, лошади—тоже общая собственность. Больше одной коровы, одной лошади на семью не полагается. Лишнія же уводятся.

Куриць, гусей не оставили въ покоѣ. Какъ же? комиссарамъ надо же вкусно позавтракать, пообѣдать! И ихъ описали и на каждую семью количество определенное установили.

Обобрали, значитъ, крестьянъ дочиста, сдѣлали ихъ имущество, неусыпными работами ими скопленное, общимъ для всѣхъ, да и надъ душой ихъ измываются.

Надъ вѣрой православной глумятся. Запрещаютъ имѣть иконы въ школахъ, общественныхъ зданіяхъ, въ частныхъ домахъ за иконы приходится платить особія деньги. Хочешь вѣнчаться—иди не въ церковь, а къ комиссару за разрѣшеніемъ. Сынъ родится записывается не священникъ, а комиссаръ.

Наконецъ, нѣтъ въ совденіи никакого порядка. У власти въ деревнѣ стоятъ комбѣды, комитеты бѣдности. Туда не избираютъ, а назначаютъ изъ центра крестьянъ самыхъ бѣдныхъ, лодырей,

тунеядцевъ, готовыхъ на все. Вотъ они и рѣшаютъ все. Каждый въ совденіи можетъ надъ тобой насильничать, избидѣть тебя, семью, какъ хочетъ. А комбѣды только будутъ радоваться, да надъ тобой же смѣяться.

Неужели же позволить сибирскій крестьянинъ большевикамъ завладѣть Сибирью, отнять сибирскій хлѣбъ, сибирскій скотъ и завести въ ней свои поряд-

ки? Нѣтъ, вѣримъ мы, всѣ сибиряки встанутъ, какъ одинъ человекъ грудью на свою защиту отъ совденіи и моцнымъ ударомъ не только отгонятъ большевиковъ отъ Сибири, но съ Божіей помощью прогонятъ ихъ совсѣмъ изъ Россіи, этимъ они освободятъ стонущій многомилліонный крестьянскій народъ отъ его поработителей представителей совѣтской власти.

А. Сельскій.